

Линда Торрезин

Автобиография: конструирование другого в себе. В. Брюсов и 'я'-апофеоз

Autobiography: The Making of the *Other* in the *Self*. V. Briusov and the Apotheosis of the Ego

In 1914, while going through a deep existential and creative crisis, Valerii Briusov published his own *Autobiography*. In fifteen pages the poet tells us about his childhood and education. Briusov's episodes cover a 40-year time span, from 1873 (his date of birth) till 1912-1913, the years when he started writing his autobiography. Briusov's *Autobiography* seems to step out of the proper so-called 'autobiography' as defined by Lejeune. In fact, in Briusov's *Autobiography* the author/narrator and character are two distinct entities, which are connected but at the same time separated.

Истинно и то, и это. Истинно много, и часто они противоречат друг другу. Это надо принять и понять... Да я и всегда об этом думал.

Ибо мне было смешным наше стремление к единству сил или начал или истины. Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. 'Я' – это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примиряются. Первая (хотя и низшая) заповедь – любовь к себе и поклонение себе. Credo. – В. Брюсов, *Дневники*

Слова В. Брюсова, которые служат эпиграфом к данной статье, – не случайны. Они

напрямую относятся к поставленной в ней теоретической проблеме, то есть соотношению в автобиографии своего и другого. Порой эти антиномии сложно корреспондируют между собой.

“Я уверен, что Брюсов мог бы написать отличный этюд о самом себе”, – так считал филолог и современник Брюсова Ф. Батюшков в статье, посвященной Валерию Яковлевичу (Батюшков 1914: Т. 1, 119).

В своем творчестве идейный вдохновитель русского символизма проявлял склонность к самонаблюдению и самоанализу изначально: *К самому себе, О себе самом* – так называются брюсовские стихотворения, написанные соответственно в 1900 и 1917 годах. Достаточно взглянуть на пер-

вые строки брюсовских стихотворений разных лет, чтобы убедиться в роли индивидуальности и автореференциальности в поэзии и мировоззрении Брюсова. *Я (Мой дух не изнемог...)* (1899), *Я бы умер с тайной радостью...* (1898 – 1899), *Я вернулся на яркую землю...* (1896), *Я выросал в глухое время...* (1920), *Я люблю большие дома...* (1898), *Я много лгал и лицемерил...* (1902): перед нами лишь немногие примеры автобиографизма и ключевой роли Эго в брюсовских стихах. Повторение личного местоимения 'я' доказывает, что в самом центре брюсовского внимания чаще всего – он сам. 'Я' Брюсова становится мощным фокусом его стихов, к тому же, проявлением его стремления к властной свободе: «Я хочу и по смерти и в море / Сознать свое вольное 'я'!» (*К самому себе*, Брюсов 1973: Т. 1, 202).

О брюсовской 'жилке автобиографа' помимо поэтических творений свидетельствуют, пожалуй, и другие, более 'частные' материалы, в которых автобиографизм выступает на первый план, как, например, в автобиографической повести *Моя юность* (1927), в брюсовских дневниках и автобиографических записях.

Цель данной статьи – проследить значение автобиографического начала в воспоминаниях Брюсова и выяснить его неканоническую функцию.

Брюсов начал собирать материалы для своей биографии уже с юных лет, в 1889 г., когда ему было лишь 16. С осени 1890 г. Брюсов ведет дневник, им озаглавленный: *Моя жизнь. Материалы для моей автобиографии* (Иванова 2002). Подлинную *Автобиографию* Брюсов составил в зрелом возрасте, в 1912 – 1913 гг. Брюсовская *Автобиография* была опубликована в 1914-м, в пору острого жизненного и творческого кризиса поэта.

Страничек пятнадцать нас ознакомят с детством и юностью Брюсова. Сначала – с его образованием, на первых порах домашним, а потом, с 1885 по 1893 гг., в гимназиях Ф.И. Креймана и Л.И. Поливанова, с его приобщением к чтению и литературной деятельности, с горячей страстью к математике и философии. Потом – с университетским периодом, появлением его трех первых книг стихов и его посвящением в поэты с публикацией *Tertia Vigilia* (1900). А также познакомят с любовными приключениями, авантюрами и лихорадочными путешествиями по Европе. Нар-

ративное пространство занимает немного больше сорока лет, с 1873 – год рождения Брюсова – вплоть до современности самого автора-рассказчика (1912 – 1913).

Знаменательно брюсовское отношение к автобиографическим основам. Вообще автобиография определяется исследователями как единство себя (*αὐτός*), жизни (*βίος*) и творческого процесса написания (*γραφή*, См. Olney 1980: 6). В брюсовской автобиографии, однако, ‘я’ автора-рассказчика и ‘я’ действующего лица (маленького, растущего Брюсова) не совпадают. ‘Я’ Брюсова-персонажа, о ком идет речь, является не результатом чисто биографических воспоминаний, а продуктом брюсовского вымысла. Таким образом, Брюсов переосмысляет понятие автобиографического жанра, поскольку себя подменяет *другим*. Его автобиография оказывается биографией *чужого человека*, и притом *гения*. Это – естественное следствие и “первородный грех” автобиографии, где нарративная рационализация и авторефлексивный подход передвигаются к самым рассказываемым событиям (Gusdorf 1980: 41). Но это и уход от автобиографического жанра,

своего рода ‘антиавтобиография’.

Вспомним, например, мальчишка Брюсова, читающего биографии великих людей и мечтающего стать таким, как они:

После детских книжек настал черед биографий великих людей: я узнавал эти биографии как из отдельных изданий, которые мне покупали во множестве, так из известной книги Тиссандье *Мученики науки* и из журнала *Игрушечка* (издание Пассек), который для меня выписали и который уделял много места жизнеописаниям. Эти биографии произвели на меня сильнейшее впечатление; *я начал мечтать, что сам непременно сделаюсь ‘великим’* [курсив мой – Л.Т.]. Преимущественно мне хотелось стать великим изобретателем или великим путешественником. Меня соблазняла слава Кеплеров, Фультонов, Ливингстонов. Во время игр (я рос без товарищей, так как мой брат Николай, ныне покойный, второй ребенок в семье, был моложе меня на четыре года) я все-

гда воображал себя то изобретателем воздушного корабля, то астрономом, открывшим новую планету, то мореплавателем, достигшим северного полюса (Брюсов 1914: Т. 1, 102–103).

В повести *Моя юность* влияние, произведенное на маленького Брюсова чтением биографий великих людей, раскрывается еще прямее: “С этого же времени я стал мечтать о своей будущности, как о будущем великого человека, и меня стало прельщать все неопределенное, что есть в гибком слове ‘Слава’ [курсив мой – Л.Т.]” (Брюсов 2002: 189).

Мечта Брюсова-мальчика “стать великим” – наверное, это мечта любого ребенка и подростка. Но она, пусть и нормальная, еще рассматривается как тенденциозное отражение самых заветных стремлений и желаний взрослого Брюсова, жаждущего славы, торжества своего Эго и записавшего в *Дневниках* в 1893 г., будучи еще студентом историко-филологического факультета Московского университета:

...Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если

дадут его. Это мало! Мне мало! Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. *А этим вождем буду я! Да, я!* [курсив мой – Л.Т.] (Там же: 28)

В молодом мечтательном читателе брюсовских воспоминаний найдется сходство с нарциссической и ‘сверхчеловеческой’ личностью ‘будущего’ Брюсова-литератора и вождя русского символизма. Однако скажем также, что представление о мальчике Брюсове, помимо его значения на жизнеописательном уровне, как первоисточнике некоего брюсовского эгоцентризма, служит и основой брюсовского реконструирования или реинтерпретации прошлого. Перед нами – *другой* Брюсов, маска, личина, символ исключительности и элитарности, фигура, созданная Брюсовым *a posteriori*, для того, чтобы оправдать, как в своих собственных глазах, так

и в глазах других людей, его редкостный талант. Фактические данные брюсовской биографии в таком 'искусственном' пересоздании рисуют вымышленную картинку гениальности автора-рассказчика. 9 апреля 1898 г., через год после выпуска сборника, красноречиво названного *Me eum esse* (1897), в своем дневнике Брюсов определял собственную юность как "юность гения":

Ведь должен же я идти вперед! должен победить! – Неужели все эти гордые начинания, эти планы, эта работа, этот непрерывный труд многих лет – обратятся в ничто. *Юность моя – юность гения.* Я жил и поступал так, что оправдывать мое поведение могут только *великие деяния* [курсив мой – Л.Т.]. Они должны быть или я буду смешон. Заложить фундамент для храма и построить заурядную гостиницу. Я должен идти вперед, я принял на себя это обязательство (Там же: 50).

Брюсовская *Автобиография* рождается из мистификации прошлого, проведенной авто-

ром в пользу своего собственного имиджа гениального творца-демиурга. В разных местах Брюсов отмечает мучительное, но в то же время восторженное состояние *одинокости, отрешенности* от окружающего мира, переживаемое 'маленьким собой'. Будущий писатель, получивший домашнее образование, вырастает как мальчик, отделенный от других, особенный, чуждак-аскет, не привыкший к обществу своих сверстников. Его любовь к чтению и страсть к научным опытам отделяют его от резвых, грубоватых товарищей во втором классе гимназии Креймана (куда родители его отдали в 11 лет) и возвышают его над ними.

Я не привык к обращению со сверстниками (встречался с ними только летом на даче) и в толпе товарищей совершенно потерялся. Я знал многое, о чем большинство мальчиков моих лет и не слышали, но я не знал тысячи простейших вещей, о которых они были прекрасно осведомлены, а, главное, я не умел ни драться, ни ругаться. Ученики 2-го класса, перешедшие в него из 1-го, составляли

уже сжившееся товарищество, и я долго оставался в нем как бы *инородным телом* [курсив мой – Л.Т.]. В тайне души я презирал их за то, что они понятия не имели о каналах на Марсе, о свойствах электричества, о строении кристаллов, а они меня презирали за то, что я не умел играть ‘в перышки’ и не знал значения ‘непечатных’ слов. Мечтая в будущем стать ‘великим’, я привык смотреть на других как-то свысока, но меня постарались разубедить в моем самомнении доводами кулака (Брюсов 1914: Т. 1, 104).

В 1890 г. из-за обострившихся отношений с администрацией Брюсов вынужден покинуть гимназию Креймана; он поступает в гимназию Поливанова, где, несмотря на сближение с князем С.А. Щербатовым, впоследствии выдающимся коллекционером и художником, он чувствует себя – еще раз – “инородным телом”: “Правда, ‘друзей’ я не нашел и в этой гимназии и здесь до конца остался чужд общей жизни ‘класса’ [...] [курсив мой – Л.Т.]” (Там же: Т. 1, 106).

При переходе из гимназии в университет ситуация *mutatis mutandis* несколько не меняется. Отчуждение юного студента от сокурсников вызывалось тем, что Брюсов ничуть не интересуется политическими вопросами, а лишь литературными:

Со студенческим кругом я не сблизился, вероятно, все по той же своей неспособности легко сходиться с людьми. Кроме того, студенты все, прежде всего, интересовались политикой, я же в те годы, простившись со своим детским республиканством, решительно чуждался вопросов общественности и все более и более отдавался литературе (Там же: Т. 1, 108).

Сквозь призму мистифицированного описания своей личной биографии Брюсов изображает целый отрезок жизненного пути купеческого сына как творческое становление великого поэта-символиста. Он рассказывает, как в детстве любовь к чтению превращалась во всепоглощающую

страсть¹, приведшую его к вступлению на литературное поприще. Говорит, что “с ранних лет, едва научившись писать, уже пробовал ‘сочинять’, то повести в духе Жюль Верна, то научные статьи, то ‘некрасовские’ стихи” (Там же: Т. 1, 104).

Брюсов в гимназические годы “уже сознательно работал над своим стихом, начиная определенно сознавать себя поэтом” (Там же: Т. 1, 107). Это еще один миф брюсовского автобиографизма, поздняя ‘фальсификация’ в поддержку Эго поэта.

В *Автобиографии* Брюсов уделяет много места хронологии своих произведений, литературной карьере, встречам с другими поэтами-символистами (К. Бальмонтом, Ал. Добролюбовым), успехам и провалам, личному резонансу. Создается впечатление, будто брюсовская биография неотделима от брюсовской библиографии. Это убеждение, которое, как правило, встречается и у писателей, и у критиков, у Брюсова, становится важнейшей чертой его концепции автобиографизма. Сам Брюсов полагал: “[...] моя биография сливается с биб-

¹ “Чтение скоро стало моей страстью, и я без разбора поглощал книгу за книгой” (Там же: Т. 1, 103).

лиографией моих книг и моих других печатных работ” (Там же: Т. 1, 112). Н. Ашукин подчеркивает: “Книги стихов Брюсова и служат вехами, обозначающими главы его литературной биографии” (Ашукин 1929: 8). В уже цитированном стихотворении *О себе самом* Брюсов перечисляет книги, явно сочетая понятие ‘автобиография’ с понятием ‘библиография’. Запечатлевая на бумаге свои жизненные этапы, он руководствуется собственными произведениями. Упоминание о принадлежащих ему творческих работах позволяет поэту осуществлять мифотворчество, рисуя автопортрет гения-творца русско-го символизма.

Хотя Брюсов твердо настаивает на единстве ‘я’-прошлого и ‘я’-настоящего², его *Автобиография* оказывается в конце концов ‘биографией’ другого гениального творца: свое собственное ‘я’ Брюсов объективирует и ‘апофеозирует’.

² Брюсов пишет: “Вот что было впечатлением моего детства, вот что создало мое мирозерцание, мою психологию. И я думаю, что какой она была в детстве, такой она осталась и до конца моей жизни. [...]. Сквозь символизм я прошел с тем мирозерцанием, которое с детства залегло в глубь моего существа” (Цит. по Ашукин 1929: 385).

Известно, что писатель обладал “способностью объективироваться”, смотреть на себя “со стороны”, “как посторонний” (Батюшков 1914: Т. 1, 19). По поводу знаменитого портрета, написанного Врубелем, Брюсов любил шутить, и говорил, что старается “остаться похожим на свой портрет, сделанный Врубелем” (Брюсов 1913: 19-22). Стих *Желал бы я не быть “Валерий Брюсов”* из стихотворения *L'ennui de vivre* (1902) разоблачает брюсовское “желание исходить от него самого”, от приклеенного ему имени-ярлыка “Валерий Брюсов”, поставленного в кавычках, словно это нереальный Брюсов (Батюшков 1914: Т. 1, 19), и становится лишь одним из воплощений брюсовской протеистической, плюралистической личности.

Далеко не всегда автобиография складывается только из хронологических событий жизни человека. Само решение написать историю своей жизни воспринимается со стороны как желание по-своему истолковать ее, вычертив в новом свете – с подлинными целями и по-новому открывающимся содержанием. Любая автобиография – это творческий акт. А у Брюсова и символистов – особенно.

Autobiography is not simple repetition of the past as it was, for recollection brings us not the past itself but only the presence in spirit of a world forever gone. Recapitulation of a life lived claims to be valuable for the one who lived it, and yet it reveals no more than a ghostly image of that life, already far distant, and doubtless incomplete, distorted furthermore by the fact that the man who remembers his past has not been for a long time the same being, the child or adolescent, who lived that past. The passage from immediate experience to consciousness in memory, which effects a sort of repetition of that experience, also serves to modify its significance. A new mode of being appears if it is true, as Hegel claimed, that “consciousness of self is the birthplace of truth”. The past that is recalled has lost its flesh and bone solidity, but it has won a new and more intimate relationship to the individual life that can thus, after being long dispersed and sought again throughout the course of time, be redis-

covered and drawn together again beyond time
(Gusdorf 1980: 38-39).

В *Автобиографии* Брюсов пытается пересоздать свое прошлое по принципу *climax* Эго и эгоцентризма, переконструируя его как определенные вехи на пути к поэтической славе.

Автобиография, понимаемая как привычное 'излияние души', у Брюсова вряд ли найдется. Дистанцируясь от себя с помощью отстранения от собственной биографии, поэт сам объективируется и преобразуется в творчество, в *fiction*, в миф, что дает ему возможность, с одной стороны, утвердить в глазах читателей и оправдать в собственных глазах свою индивидуальность³, а с другой стороны, поднять свое Эго на вершины бессмертия, ибо, как говорится в предисловии к *Chefs d'Oeuvre* (1895), "все на земле преходяще, кроме созданий искусства".

³ "The man who recounts himself is himself searching his self through his history; he is not engaged in an objective and disinterested pursuit but in a work of personal justification" (Gusdorf 1980: 39).

Библиография

Ашукин 1929: Н. Ашукин, *Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики*, Федерация, М., 1929.

Батюшков 1914: Ф.Д. Батюшков, *Валерий Брюсов* // С.А. Венгеров (сост.), *Русская литература XX века (1890-1910): В 2 т.*, Изд. Т-ва Мир, М., 1914, Т. 1, С. 119-134.

Брюсов 1913: В.Я. Брюсов, *За моим окном*, Скорпион, М., 1913.

Брюсов 1914: В.Я. Брюсов, *Автобиография* // С.А. Венгеров (сост.), *Русская литература XX века (1890 – 1910): В 2 т.*, Изд. Т-ва Мир, М., 1914, Т. 1, С. 101-118.

Брюсов 1973: В.Я. Брюсов, *Собрание сочинений: В 7 тт.*, Художественная литература, М., 1973, Т. 1: *Стихотворения, Поэмы (1892-1909)*, 1973.

Брюсов 2002: В.Я. Брюсов, *Дневники. Автобиографическая проза. Письма*, ОЛМА-ПРЕСС, М., 2002.

Иванова 2002: Е.В. Иванова, *Путеводитель по судьбе поэта* // В.Я. Брюсов, *Дневники. Автобиографическая проза. Письма*, ОЛМА-ПРЕСС, М., 2002, С. 3-18.

Gusdorf 1980: G. Gusdorf, *Conditions and Limits of Autobiography*, in J. Olney (ed.), *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1980, pp. 28-48.

Olney 1980: J. Olney, *Autobiography and the Cultural Moment: A Thematic, Historical, and Bibliographical Introduction*, in J. Olney (ed.), *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1980, pp. 3-27.